

Взаимодействие права оккупации с экономическими, социальными и культурными правами: вопросы питания, здоровья и собственности

Сильван Вите*

Д-р Сильван Вите является юридическим советником
Юридического отдела МККК.

Краткое содержание

Существующий правовой режим оккупации более не основывается только на положениях обычного права и договорных нормах, как они излагаются в праве Гааги и праве Женевы. Он подвергся существенному изменению благодаря постепенному признанию того, что в ситуациях, которые он регулирует, применимо право прав человека, и уже неоднократно подчеркивалось, что они дополняют друг друга. Вопрос взаимосвязи между международным гуманитарным правом и права-

* В настоящей статье предлагаются некоторые выводы для более углубленного исследовательского проекта, касающегося защиты гражданских лиц во время военной оккупации (Женевская академия международного гуманитарного права и прав человека, 2008 г.). Автор хотел бы выразить свою искреннюю признательность Швейцарскому национальному фонду научных исследований, который взял на себя большую часть расходов на этот проект. Автор также благодарит Нагали Мивелаз из Управления Верховного комиссара по правам человека и профессора Роберта Кольба из Университета Женевы за их ценные предложения относительно содержания данной статьи. Однако за ее текст несет ответственность только автор. Мнения, выраженные в статье, не обязательно отражают позицию МККК.

ми человека не решается просто анализом соответствующих сфер применения. Автор рассматривает вопрос на уровне отдельных норм. Он ищет ответ на вопрос о том, подтверждаются ли, дополняются и релятивизируются ли нормы международного гуманитарного права нормами, вытекающими из права прав человека? Или даже эти два свода норм противоречат друг другу? Анализ сосредоточен в основном на взаимодействии права оккупации и экономических, социальных и культурных прав; подчеркивается важность обеспечения адекватного уровня жизни (право на питание, право на сохранение здоровья) и уважения имущественных прав.

: : : : : :

Даже если эта проблема все еще вызывает споры¹, сегодня вряд ли ставится под вопрос применимость международного права прав человека к ситуациям, регулируемым международным гуманитарным правом, то есть к вооруженным конфликтам и военной оккупации². Такая позиция была подтверждена обширной международной практикой, особенно практикой Международного суда, который выявил эту тенденцию в трех случаях³. Поэтому целесообразно перейти от этого предварительного этапа к рассмотрению взаимосвязи между нормами международного гуманитарного права и права прав человека в тех областях, которые являются для них общими. По мнению самого Суда, у этой взаимосвязи есть три грани: «Некоторые права могут быть исключительно предметом рассмотрения международного гуманитарного права; другие могут быть исключительно предметом рассмотрения права прав человека; в то время как третьи могут относиться к обеим этим отраслям международного права»⁴.

1 Michael J. Dennis, 'Application of human rights treaties extraterritorially in times of armed conflict and military occupation', *American Journal of International Law*, 99 (1) (2005), pp. 119–41.

2 См., в частности: Доклад о положении в области прав человека в Кувейте в период иракской оккупации, подготовленный Специальным докладчиком Комиссии по правам человека г-ном Вальтером Келином. В соответствии с резолюцией 1991/67 Комиссии, 16 января 1992 г.; Robert Kolb and Sylvain Vité, *La protection des populations civiles soumises au pouvoir d'une armée étrangère*, Brussels (2009, forthcoming).

3 Международный суд, Законность угрозы ядерным оружием или его применения, Консультативное заключение, 8 июля 1996 г., ч. 25; Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории, Консультативное заключение, 9 июля 2004 г., ч. 106; Вооруженная деятельность на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды), 19 декабря 2005 г., ч. 216. См. также Permanent Court of Arbitration: *Partial Award, Civilians Claim, Ethiopia's Claim* 5, 17 December 2004, para. 26.

4 МС, Правовые последствия, примечание 3 выше, ч. 106; МС, Вооруженная деятельность, примечание 3 выше, ч. 216.

Однако Суд не уточнил, какие нормы характерны для одной или другой категории.

Автор статьи ставит перед собой цель определить эти нормы, сосредоточив внимание на одной из областей международного гуманитарного права, а именно на той, которая применима к военной оккупации⁵. В международном праве «территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии»⁶. Это определение требует выполнения двух условий: (i) оккупант в состоянии осуществлять эффективный контроль над территорией, которая ему не принадлежит; (ii) его вмешательство не было одобрено законным правительством. Однако власть необязательно захватывают в результате вооруженного конфликта и военных действий. Соответствующие нормы применяются, даже если оккупация не встречает вооруженного сопротивления⁷. Эти нормы устанавливаются в основном в трех договорах: Гаагское положение 1907 г., Женевская конвенция IV 1949 г. и Дополнительный протокол I 1977 г.⁸ Большинство этих норм являются обычными по своему характеру.

С точки зрения прав человека, главными являются экономические, социальные и культурные права. Они действуют конкретным образом, что отличает их от гражданских и политических прав⁹. Основным договорным источником, который касается рассматриваемого предмета, по крайней мере на глобальном уровне, является Международный пакт об экономических, социальных и культурных

- 5 О праве военной оккупации в целом см.: Jean Pictet (ed.), *Geneva Convention IV Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War: Commentary*, ICRC, Geneva, 1958; Adam Roberts, 'What is a military occupation?', *British Yearbook of International Law*, 55 (1984), pp. 249–305; Eyal Benvenisti, *The International Law of Occupation*, 2nd edn, Princeton University Press, Princeton etc., 2004; Kolb and Vité, примечание 2 выше.
- 6 *Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, Гаага, 18 октября 1907 г., Приложение: Положение о законах и обычаях сухопутной войны // Международное право. Ведение военных действий. Сборник Гаагских конвенций и иных международных документов. Москва, МККК, 2004. Статья 42.*
- 7 Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. (далее — Женевская конвенция IV), статья 2 (2).
- 8 Гаагское положение, примечание 6 выше; Женевская конвенция IV, примечание 7 выше; *Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. // Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. Москва, МККК, 2001. С. 227–318.*
- 9 См., в частности: Philip Alston and Gerald Quinn, 'The nature and scope of states parties' obligations under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights', *Human Rights Quarterly*, 9 (3) (May 1987), pp. 156–229; Absjorn Eide, 'Economic, social and cultural rights as human rights', in A. Eide (ed.), *Economic, Social and Cultural Rights, A Textbook*, 2nd edn, Kluwer, Dordrecht etc., 2001, pp. 9–28.

правах (Пакт), который был принят Организацией Объединенных Наций в 1966 г.¹⁰

В статье сначала в общем плане рассмотрены основные принципы применения экономических, социальных и культурных прав в период оккупации. Затем мы проанализируем, каким образом два рассматриваемых правовых режима фактически взаимодействуют в двух конкретных сферах: условия жизни людей — особенно в том, что касается питания и здоровья — и собственность.

Общие принципы применения экономических, социальных и культурных прав во время оккупации

Применение экономических, социальных и культурных прав — весьма тонкое дело. Оно может быть различным в зависимости от обстоятельств каждого отдельного случая и должно развиваться со временем. Природа этих прав является частично программной в том смысле, что они определяют цели, к поэтапному достижению которых государства должны стремиться. Поэтому их полная реализация наступает постепенно. Однако эта гибкость не такого характера, чтобы лишать Пакт всей сдерживающей силы. Система экономических, социальных и культурных прав предусматривает определенный минимум обязательств немедленного действия, от выполнения которых государства не могут отказаться. Кроме этого, существуют и такие принципы применения, которые вытекают из права оккупации.

Постепенная реализация экономических, социальных и культурных прав

Статья 2 (1) Пакта предусматривает, что каждое государство-участник «обязуется... принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить *постепенно* полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав» (курсив автора. — Ред.). Этот международный документ признает, что его нормы должны реализовываться в течение какого-то времени и что их применение может пройти различные стадии в силу самой природы предписываемых

10 *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Права человека. Сборник международных договоров. Нью-Йорк, ООН, 1989. С. 8.*

обязанностей¹¹. Некоторые положения фактически устанавливают цели, предоставляя государствам-участникам определенную свободу действий в том, что касается методов, которые они используют для их достижения. В зависимости от каждого конкретного случая это означает принятие новых правовых текстов. Реализация экономических, социальных и культурных прав должна поэтому рассматриваться как происходящая в динамике во времени.

Эта гибкость особенно важна в период оккупации. Когда только что завершились военные действия, большая часть инфраструктуры разрушена в результате войны и страна часто все еще страдает от значительной нестабильности, оккупирующая держава не в состоянии выполнить все свои обязательства. Прежде всего необходимо удовлетворить самые неотложные потребности. Затем по мере укрепления контроля над соответствующей территорией нормативное содержание обязательств оккупирующей державы становится более широким. По окончании периода чрезвычайных обстоятельств уже просто минимальных мер оказывается недостаточно. Реализация экономических, социальных и культурных прав требует выработки стратегии, для того чтобы добиться выполнения поставленных целей.

Однако эта свобода маневра не является неограниченной. Постепенная реализация экономических, социальных и культурных прав не означает, что государства имеют право ждать наступления каких-то самых благоприятных условий для выполнения своих обязательств. Такое толкование лишило бы Пакт его нормативного содержания, поскольку каждое государство могло бы само решать вопрос об объеме своих обязательств. Этот международный документ утратил бы тогда свою сдерживающую и ограничительную силу. Судебная практика Комитета ООН по социальным, экономическим и культурным правам (органа, который контролирует выполнение Пакта) свидетельствует о том, что государства должны придерживаться основных нормативных порогов, каковы бы ни были обстоятельства.

Обязательства, которые должны выполняться незамедлительно

Комитет сначала напоминает, что, «хотя Пакт предусматривает постепенную реализацию и признает ограничения, возникающие в результате

11 Committee on Economic, Social, and Cultural Rights, The Nature of States Parties' Obligations (Art. 2, para. 1, of the Covenant), General Comment No. 3, 14 December 1990, para. 9. См. также: Маастрихтские руководящие принципы, касающиеся нарушений экономических, социальных и культурных прав, Документ ООН E/C.12/2000/13, 2 октября 2000 г., No. 8.

нехватки имеющихся ресурсов, он также налагает различные *обязательства, которые имеют непосредственное действие*¹² (курсив автора. — Ред.). В нем проводится различие между двумя нормативными уровнями: (i) положениями, устанавливающими обязательства, которые должны выполняться незамедлительно; (ii) положениями, устанавливающими обязательства, которые должны выполняться постепенно. Государства, связанные этим инструментом, уже не могут ссылаться на его программный характер, для того чтобы отсрочить его применение в целом. Они должны уважать нормы, требующие незамедлительного применения, то есть обязательств, которые по своей природе «обладают сами по себе исполнительной силой»¹³. Во время оккупации эти нормы создают нормативную базу, которая должна приниматься во внимание существующими властями с того момента, когда они начинают осуществлять эффективный контроль над территорией. Выполнение этих норм нельзя откладывать или ограничивать из-за условий оккупации.

Некоторые из тех обязательств, что должны выполняться незамедлительно, упоминаются в Пакте явным образом. Это, например, касается принципа недопустимости дискриминации¹⁴ или принятия особых мер для защиты детей и подростков и оказания им помощи¹⁵. Другие должны быть установлены посредством толкования. В силу статьи 2 (1) государства-участники должны *«принять... меры»* (курсив автора. — Ред.), то есть принять конкретные меры для содействия применению в полном объеме этого международного документа, какова бы ни была природа соответствующих обязательств. Пассивная позиция в этом отношении будет, следовательно, противоречить их обязательствам. Хотя в отдельных случаях реализация экономических, социальных и культурных прав может быть осуществлена только в течение какого-то времени, государства все-таки обязаны без промедления предпринять шаги, которые позволят им достичь поставленных целей¹⁶.

12 General Comment No. 3, примечание 11 выше, ч. 1. См. также: Лимбургские принципы осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Документ ООН E/C.12/2000/13, 2 October 2000, No. 8.

13 General Comment No. 3, примечание 11 выше, ч. 5: «Представляется, что любые предположения о том, что указанные положения не *обладают сами по себе исполнительной силой*, будет трудно доказать» (курсив автора. — Ред.).

14 Пакт, статья 2 (1). См.: General Comment No. 3, примечание 11 выше, ч. 1; Замечание общего порядка № 12, Право на достаточное питание (статья 11), UN Doc. E/C.12/1999/5, 12 May 1999, ч. 18. См. также: Лимбургские принципы, примечание 12 выше, № 22 и 35.

15 Пакт, статья 10 (3).

16 Committee on Social, Economic and Cultural Rights, General Comment No. 3, примечание 11 выше, ч. 2, 9. См. также: Alston and Quinn, примечание 9, с. 166.

Другими словами, хотя некоторые права могут реализовываться постепенно, государства остаются связанными обязанностью принять незамедлительные меры. «Такие шаги должны быть заранее подготовленными, конкретными и как можно более точно адресованными, чтобы выполнить обязательства, признанные в Пакте»¹⁷.

Поэтому во время оккупации существующие власти не могут ссылаться на временный характер своего присутствия на иностранной территории, для того чтобы избежать выполнения этих обязательств. Ярким примером в этом отношении может послужить тот факт, что администрация оккупационных сил в Ираке оправдывала пересмотр трудового кодекса этой страны, напоминая, что, будучи государством — участником Конвенций № 138 и № 182 Международной организации труда (МОТ), Ирак был обязан *«предпринять решительные шаги с тем, чтобы искоренить детский труд»*¹⁸ (курсив автора. — Ред.). Посредством Приказа № 89, изданного Коалиционной администрацией 5 мая 2004 г., это обязательство выполняется, так как, в частности, устанавливается минимальный возраст для найма на работу и регулируются условия работы для лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Основное содержание экономических, социальных и культурных прав

Комитет также признает, что каждое экономическое, социальное и культурное право, несмотря на присущую ему гибкость, имеет нормативное содержание, которое не может сокращаться. Даже если Пакт оказывается гибким, когда признает, что некоторые положения могут выполняться постепенно, он считает, что государства-участники тем не менее имеют *«минимальное основное обязательство обеспечить осуществление, по крайней мере, минимального уровня каждого из прав»*¹⁹ (курсив автора. — Ред.). Комитет, например, указывает, что «государство-участник, в котором любое значительное число лиц лишено основных продуктов питания, основных услуг здравоохранения, крова и жилища или самых элементарных форм образования, не выполняет, *prima facie*, свои обязательства в соответствии

17 General Comment No. 3, примечание 11 выше, ч. 2.

18 Coalition Provisional Authority, Order No. 89, Amendments to the Labor Code — Law No. 71 of 1987, CPA/ORD/05 May 2004/89.

19 General Comment No. 3, примечание 11 выше, ч. 10. См. также: Маастрихтские руководящие принципы, примечание 11 выше, №. 9.

с Пактом»²⁰. Таким образом, каждое из положений Пакта имеет основное нормативное содержание, и его реализация должна быть обеспечена при всех обстоятельствах, независимо от уровня экономического развития страны, ее политической ситуации или институциональной структуры²¹. Это касается как периода военной оккупации, так и мирного времени. Этот минимум устанавливает, в некотором смысле, отправную точку, с которой государства-участники могут планировать постепенное выполнение своих обязательств. Таким образом, устанавливаются ограничения на ту гибкость, которая допускается в силу статьи 2 (1).

Принцип сохранения правовой системы в праве оккупации

При реализации экономических, социальных и культурных прав во время оккупации следует также принимать во внимание законы, регулирующие такой тип ситуации. В своем Консультативном заключении по вопросу о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории (2004) Международный суд воспользовался возможностью напомнить, что Израиль, будучи оккупирующей державой, обязан соблюдать положения Пакта, «[п]ри осуществлении имеющихся у него на этом основании полномочий»²². И все же содержание и сфера действия этих полномочий могут быть определены со ссылкой на право оккупации. Оккупант может воспользоваться свободой действий, допускаемой в отношении экономических, социальных и культурных прав, только в рамках, установленных этим правовым режимом.

В некоторых отношениях применение Пакта подразумевает долгосрочные перспективы и возможность суверенной власти осуществлять далеко идущие изменения в обществе. Реализация права на работу, например, обязывает государства создать стратегию развития, которой будут руководствоваться их национальные экономики в течение значительного числа лет²³. В отличие от этого право оккупации сопротивляется изменениям такого рода. Его цель заключается в том, чтобы сохранить институциональные и правовые структуры,

20 General Comment No. 3, примечание 11 выше, ч. 10.

21 См., в частности: Audrey Chapman and Sage Russell (eds.), *Core Obligations: Building a Framework for Economic, Social and Cultural Rights*, Intersentia, Antwerp etc., 2002.

22 МС, Правовые последствия, примечание 3 выше, ч. 112.

23 Пакт, статья 6 (2).

пока не решен вопрос о будущем статусе соответствующей территории. Статья 43 Гаагского положения 1907 г. предусматривает, что оккупант обязан «восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, *уважая существующие в стране законы, буде к тому не встретится неодолимого препятствия*» (курсив автора. — Ред.). Эта норма, предписывающая сохранение внутренней правовой системы, устанавливает верхнюю границу реализации экономических, социальных и культурных прав. Она запрещает структурные реформы, которые могут повлиять на будущее оккупированной территории в долгосрочной перспективе.

Однако этот принцип не является жестким. Как указывается в статье 43 Гаагского положения, оккупирующие державы могут отступить от него, если они встретятся с «неодолимым препятствием» к его соблюдению. Статья 64 Женевской конвенции IV, которая подхватывает и проясняет норму, сформулированную в статье 43 Гаагского положения, добавляет, что поправки в законодательство могут быть внесены, если они «существенно необходимы» для выполнения трех задач: (i) имплементации международного гуманитарного права; (ii) «поддержания нормального управления территории» и (iii) обеспечения безопасности оккупирующей державы и местной администрации²⁴. К этим трем задачам следует добавить обязанность уважать права человека²⁵. Непосредственные последствия Второй мировой войны показали, что оккупант имеет право отменять жестокое или дискриминационное национальное законодательство, такое как национал-социалистические Нюрнбергские законы²⁶. В некоторых случаях оккупирующей державе может понадобиться принять новые тексты, для того чтобы выполнить свои обязательства. Закон № 7 от 9 июня 2003 г., принятый оккупационной администрацией в Ираке для изменения иракского уголовного кодекса, отменил, например, смертную казнь

- 24 Хотя в статье 64 говорится об уголовном законодательстве, это применимо ко всей национальной правовой системе. Жан Пикте подчеркивает, что «Дипломатическая конференция четко упоминает только уголовное право — причина этого заключается в том, что оно недостаточно хорошо исполнялось в ходе прошедших конфликтов; нет никаких оснований полагать, исходя из противоположного, что оккупационные власти не обязаны также уважать гражданское право страны или даже ее конституцию». Pictet, примечание 5 выше, с. 360. См. также: Benvenisti, примечание 5, с. 100 и сл.
- 25 Marco Sassóli, 'Legislation and Maintenance of Public Order and Civil Life by Occupying Powers', *European Journal of International Law*, 16 (2005), p. 676.
- 26 См., в частности: Gerhard von Glahn, *The Occupation of Enemy Territory: A Commentary on the Law and Practice of Belligerent Occupation*, University of Minnesota Press, Minneapolis, 1957, pp. 95, 107; Morris Greenspan, *The Modern Law of Land Warfare*, University of California Press, Berkeley etc., 1959, p. 245.

и запретил пытки и жестокое, унижающее достоинство и бесчеловечное обращение и наказание, а также дискриминацию²⁷.

Возникает тогда вопрос о том, как же примирить обязательство оккупирующей державы соблюдать права человека, что может иногда потребовать проведения правовых реформ, с принципом сохранения внутренней правовой системы, который лежит в основе права оккупации. До какой степени осуществляемые реформы совместимы с нормой, изложенной в статье 43 Гаагского положения и в статье 64 Женевской конвенции IV²⁸? Ответ на этот вопрос требует особой осторожности и указывает на ошибки, которые могут стать результатом слишком не строгого подхода к выбору решения. Под предлогом выполнения своих международных обязательств оккупант может осуществить структурные изменения в оккупированной стране, не спросив мнения ее народа, чего требуют принципы демократии. Эта опасность увеличивается в отношении экономических, социальных и культурных прав, так как существующие в этой области нормы иногда страдают неточностью и толкуются по-разному.

Взаимосвязь права оккупации и экономических, социальных и культурных прав в общих нормативных областях

Уровень этой опасности можно снизить, если принять дифференцированный подход. Предпринимаемые действия на практике должны соответствовать предусматриваемым нормам. Во многом реализация экономических, социальных и культурных прав не требует реформ, которые бы были столь радикальными, чтобы противоречить праву оккупации. Нормативного равновесия не достичь путем изучения только общих принципов применения экономических, социальных и культурных прав во время оккупации. Его следует искать в каждом отдельном случае, анализируя конкретные нормы. Мы попытаемся сделать это на двух примерах: условиях жизни гражданского населения (обращая особое внимание на питание и сохранение здоровья) и имущественных вопросах.

27 Coalition Provisional Authority, Order No. 7, Penal Code, 9 June 2003, Sections 3 and 4.

28 Более подробный анализ сферы действия этих двух положений см.: Sylvain Vité, 'Applicability of the international law of military occupation to the activities of international organizations', *International Review of the Red Cross*, 86 (853) (2004), pp. 14 ff (полный текст только на французском языке).

Питание и здоровье

Правовой режим оккупации является в основном чрезвычайным законодательством. Его цель заключается в том, чтобы удовлетворить насущные потребности гражданских лиц, которые находятся во власти армии иностранного государства. Он должен обеспечить приемлемые условия жизни, что, по сути, означает предоставление гуманитарной помощи. Не пренебрегая тем, что необходимо для выживания населения, система экономических, социальных и культурных прав должна рассматриваться в долгосрочной перспективе. Хотя эта система устанавливает обязательства, которые должны выполняться при всех обстоятельствах, и, таким образом, пересекается с правом оккупации, она в то же время предусматривает обязательства, которые будут выполняться поэтапно, по мере стабилизации ситуации на соответствующей территории. Что же касается питания и здоровья, то она дополняет минимальные нормы права оккупации.

Право оккупации

Право оккупации содержит несколько положений, которые касаются условий жизни гражданских лиц. В общем, оно требует от оккупанта принятия всех зависящих от него мер «к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь»²⁹. Выражаясь точнее, Женевская конвенция IV предусматривает, что «Оккупирующая Держава обязана при помощи всех имеющихся средств обеспечить снабжение гражданского населения продовольствием и санитарными материалами»³⁰. Дополнительный протокол I расширяет это положение, добавляя, что данное обязательство относится и к обеспечению снабжения «одеждой, постельными принадлежностями, средствами обеспечения крова и другими припасами, существенно важными для выживания гражданского населения оккупированной территории, а также предметами, необходимыми для отправления религиозных обрядов»³¹. Однако во внимание принимаются материальные трудности, с которыми сталкивается оккупирующая держава, поэтому в документах говорится, что она должна

29 Гагское положение, статья 43.

30 Женевская конвенция IV, статья 55 (1).

31 Дополнительный протокол I, статья 69 (1).

выполнить это обязательство «при помощи всех имеющихся средств» либо «в максимально возможной степени»³². Тем не менее она обязана использовать для этого все имеющиеся у нее ресурсы³³. Если оккупирующая держава не в состоянии выполнить это обязательство, она должна воспользоваться помощью извне. Она должна дать согласие на осуществление гуманитарной деятельности в интересах людей, оказавшихся в трудном положении, и всячески ей способствовать³⁴. Это обязательство является безусловным³⁵.

Что касается здоровья, то оккупирующая держава также несет ответственность за обеспечение функционирования медицинских учреждений и предоставление медицинских услуг и за обеспечение соответствующих санитарно-гигиенических условий. В частности, она должна принять все меры, необходимые для борьбы с инфекционными болезнями и эпидемиями³⁶. В этом отношении обязательный характер обязательства тоже должен рассматриваться в соответствии с имеющимися средствами³⁷.

И наконец, право оккупации обращается к минимальному уровню условий жизни в связи с эвакуацией. Эвакуация разрешается, только «если этого требует безопасность населения или особо веские соображения военного характера» и только в рамках оккупированной территории, «за исключением случаев, когда это практически невозможно»³⁸. В этом случае оккупирующая держава должна обеспечить удовлетворение некоторых основных потребностей и, в частности, эвакуацию людей «в удовлетворительных условиях с точки зрения безопасности, гигиены, здоровья и питания», предоставив им «надлежащие помещения»³⁹.

32 Женевская конвенция IV, статья 55 (1), Дополнительный протокол I, статья 69 (1).

33 Pictet, примечание 5 выше, с. 310.

34 Женевская конвенция IV, статья 59 (1). Более подробно см.: Женевская конвенция IV, статьи 30 и 59 и сл. См. также: Robert Kolb, 'De l'assistance humanitaire — La Résolution sur l'assistance humanitaire adoptée par l'Institut de droit international lors de sa Session de Bruges en 2003', *International Review of the Red Cross*, 86 (856) (2004), pp. 853 ff.

35 Pictet, примечание 5 выше, с. 320.

36 Женевская конвенция IV, статья 56 (1); Дополнительный протокол I, статья 14 (1).

37 Женевская конвенция IV, статья 56 (1), указывает, что оккупирующая держава должна выполнять это обязательство «при помощи всех имеющихся у нее средств». Некоторые положения посвящены условиям жизни наиболее уязвимых категорий лиц, особенно задержанных и интернированных (Женевская конвенция IV, статьи 76, 85, 89–90, 91–92, 108, 125).

38 Ibid., статья 49 (1) и (2).

39 Ibid., статья 49 (2) и (3). О применении этих норм см. прецедентное право Комиссии по рассмотрению жалоб Эритреи и Эфиопии: the Eritrea–Ethiopia Claims Commission, *Civilian Claims*,

Эти нормы, касающиеся условий жизни во время оккупации, являются общими и предоставляют дискреционные полномочия властям, несущим ответственность за их выполнение. Хотя такие нормы устанавливают определенные требования в отношении питания, здоровья, одежды и жилья, они не дают точных указаний относительно тех целей, которых необходимо достичь. Сами понятия «удовлетворительные условия» или «снабжение» могут пониматься очень по-разному. Более того, задуманное как кратковременный переходный правовой режим право оккупации сосредоточивает внимание в основном на обязанности оказать помощь людям в трудном положении. Если же ситуация продолжается неопределенно долго, это обязательство более не соответствует потребностям гражданского населения. В этом случае оно более не означает просто обеспечение их выживания, но, как это предусмотрено в статье 43 Гаагского положения 1907 г., налагает обязанность «восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь». Однако нормы оккупации не очень помогут, если значение этого положения надо понять более точно.

С учетом такой неопределенности некоторое разъяснение можно обнаружить в положениях международного права прав человека, в частности права на адекватное пропитание и права на здоровье⁴⁰. Экономические, социальные и культурные права являются предметом все возрастающего числа судебных процессов, диапазон которых все расширяется. С течением времени они приобрели новый характер, открыв новые перспективы в отношении защиты гражданских лиц во время оккупации. Право прав человека внесло свой вклад, с одной стороны, конкретизировав минимальные нормы, применимые во всякое время (ядро), и, с другой стороны, определив нормы, выполнение которых должно быть поэтапным по мере стабилизации обстановки на оккупированной территории.

Суть права на адекватное питание и права на здоровье

С точки зрения прав человека под правом на адекватный уровень жизни подразумевается, что у каждого человека должны быть условия, необходимые для получения средств к существованию. В соот-

Ethiopia's Claim 5, Partial Award of 17 December 2004, paras. 116 ff; *Civilian Claims, Eritrea's Claims 15, 16, 23 & 27-32*, Partial Award of 17 December 2004, paras. 66 ff., 79 ff.

40 Всеобщая декларация прав человека, статья 25 (1); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 11; Конвенция о правах ребенка, статья 27.

ветствии с условиями Пакта к основному минимуму относятся, в частности, достаточное питание, одежда и жилье, а также непрерывное улучшение условий жизни⁴¹. Пакт также признает «право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья»⁴². Определение сути каждого из этих прав устанавливает их минимальное применимое содержание при всех обстоятельствах и, следовательно, разъясняет нормы, применимые во время оккупации.

Право на достаточное питание — и все, что это означает, — включает в качестве главного требования «основное право каждого человека на свободу от голода»⁴³. Эта норма составляет его ядро. Комитет по социальным, экономическим и культурным правам подтверждает, таким образом, что государства-участники имеют важнейшую «обязанность принимать необходимые меры для смягчения и ослабления последствий голода... даже во время стихийных и иных бедствий»⁴⁴. Если говорить точнее, то Комитет добавляет, что основное содержание права на достаточное питание соблюдается, если удовлетворены два условия: (i) «наличие достаточного по количеству и качеству и свободного от вредных веществ и приемлемого в соответствующей культуре питания для удовлетворения потребностей каждого лица» и (ii) «стабильная доступность такого питания, которая не мешает пользоваться другими правами человека»⁴⁵. Право на достаточное питание, таким образом, предусматривает гораздо больше, чем просто количество имеющейся пищи. Эта пища должна также удовлетворять определенным критериям⁴⁶.

Во время оккупации это обязательство выражается либо в гарантии того, что территория снабжается, либо в разрешении проводить операции по оказанию гуманитарной помощи и в содействии

41 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 11. См.: Eide, примечание 9 выше, с. 133. В качестве примера применения закона по обеспечению стандартов жизни во время оккупации см. доклад Специальной комиссии по расследованию действий израильских властей, нарушающих права человека относительно палестинцев и других арабов на оккупированных территориях, UN Doc. A/58/311, 22 August 2003, paras. 44ff.

42 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 12.

43 Ibid., статья 11 (2).

44 Комитет по социальным, экономическим и культурным правам, Замечание общего порядка № 12, примечание 14 выше, ч. 6.

45 Ibid., ч. 8. По этому вопросу см.: Rolf Kunneman, 'The right to adequate food: violations related to its minimum core content', in Chapman and Russell, примечание 21 выше, с. 161–83.

46 По этому вопросу см.: Замечание общего порядка № 12, примечание 14 выше, ч. 7.

им. Социальные, экономические и культурные права, таким образом, согласуются с подходом международного гуманитарного права, поскольку они налагают обязательство действовать или, по крайней мере, не создавать препятствий. Комитет по социальным, экономическим и культурным правам указал на это, напомнив, что право на достаточное питание включает, с одной стороны, обязательство *выполнить*, то есть «*облегчать* и *...обеспечивать*», а с другой стороны, не препятствовать доступу к «продовольственной помощи, оказываемой в гуманитарных целях в условиях внутренних конфликтов или других чрезвычайных ситуаций»⁴⁷.

Суть права на достаточное питание может быть нарушена, когда, например, оккупационные силы уничтожают запасы продовольствия для гражданского населения, когда они воздействуют на средства производства, особенно устанавливая мины в сельскохозяйственных районах, перемещая население, занимающееся фермерством или рыболовством, парализуя транспортные системы, дающие возможность распределять припасы, или блокируя доступ к некоторым основным услугам (обязательство соблюдать)⁴⁸. Это справедливо и тогда, когда оккупирующая держава не принимает мер, необходимых, для того чтобы помешать каким-либо третьим сторонам применить такую практику (обязательство предоставить защиту). И наконец, это основное обязательство может потребовать от оккупанта принятия определенных позитивных мер (обязательство по выполнению). Оккупирующая сторона должна, в частности, создать эффективную систему распределения гуманитарной помощи и учитывать потребности наиболее уязвимых лиц, особенно детей, престарелых и инвалидов⁴⁹.

Что же касается здоровья, то минимальное нормативное содержание включает элементы из области здравоохранения и профилак-

47 Комитет по социальным, экономическим и культурным правам, Замечание общего порядка № 12, примечание 14 выше, ч. 15 и 19. После вторжения в Кувейт в августе 1990 г. множество людей укрылись в посольстве Филиппин. Иракские войска запретили какое-либо снабжение этих лиц, нарушив тем самым право на питание, как было впоследствии подтверждено Специальным докладчиком ООН, которому поручили составить доклад об этих событиях. См.: Доклад о положении в области прав человека в Кувейте в период иракской оккупации, примечание 2 выше, ч. 222. В своих Заключительных замечаниях 2001 г., адресованных Израилю, Комитет, например, критиковал правительство за недопущение международных миссий по снабжению гражданских лиц, проживающих на оккупированных территориях, особенно осуществляемых Международным Комитетом Красного Креста: Заключительные замечания: Израиль, UN Doc. E/C.12/1/Add.69, 31 августа 2001 г., ч. 13.

48 См., например: Комитет по социальным, экономическим и культурным правам, Заключительные замечания: Израиль, E/C.12/1/Add.90, 26 июня 2003 г.

49 Подробнее см.: Künneinan, примечание 45 выше, с. 177 и сл..

тических мер. Оно означает, например, обязательство обеспечивать доступ без какой-либо дискриминации к медицинскому оборудованию, материалам и услугам, адекватное снабжение чистой питьевой водой и возможность получить основные лекарства, как это определяется Всемирной организацией здравоохранения⁵⁰. Невыполнение этих обязательств не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах. Это, следовательно, обязательства, «которые не допускают отступления»⁵¹. По мнению Комитета по социальным, экономическим и культурным правам, другие нормы также должны считаться «сопоставимыми по степени своей приоритетности»⁵². К этим нормам относятся, в частности, обязательство провести вакцинацию против распространенных инфекционных заболеваний, принять меры по предупреждению и лечению эпидемических и эндемических заболеваний и контролю за их распространением и обеспечить просвещение и доступ к информации относительно основных проблем со здоровьем⁵³. Эти нормы также составляют часть основного права на здоровье.

В области охраны здоровья, как и питания, любые вопросы, которые лишь затрагиваются правом оккупации могут быть прояснены положениями об экономических, социальных и культурных правах⁵⁴. Специальный докладчик ООН по вопросу о ситуации с правами человека в Кувейте во время иракской оккупации напоминает, что оценка поведения оккупанта в свете только статей 55 и 56 Женевской конвенции IV неполностью раскрыла масштаб и серьезность совершенных нарушений. По его мнению «[и]стинная значимость этих событий была выявлена толь-

50 Комитет по социальным, экономическим и культурным правам, Замечание общего порядка № 14 (2000), Право на наивысший достижимый уровень здоровья (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), E/C.12/2000/4, 11 августа 2000 г., ч. 43. См. также: Доклад международной конференции о первичной медико-санитарной помощи, Алма-Ата, 6–12 сентября 1978 г. Серия «Здоровье для всех», № 1, ВОЗ, Женева, 1978, Гл. 3, ч. 50. По этому вопросу см. также: Audrey R. Chapman, 'Core obligations related to the right to health', in Chapman and Russell, примечание 21 выше, с. 185–215.

51 Комитет по социальным, экономическим и культурным правам, Замечание общего порядка № 14, примечание 50 выше, ч. 47.

52 Ibid., ч. 44.

53 Ibid., ч. 44.

54 Ноам Любелл полагает, что права человека вследствие этого являются *lex specialis* в том, что касается здоровья: Любелл, Ноам. Проблемы, возникающие при применении права прав человека к вооруженным конфликтам // Международный журнал Красного Креста. 2005. № 860. С. 175. См. также: Hans-Joachim Heintze, 'On the relationship between human rights law protection and international humanitarian law', *International Review of the Red Cross*, 86 (856) 2004, p. 795.

ко путем обращения к понятию права на здоровье, как оно гарантируется Пактом об экономических, социальных и культурных правах»⁵⁵.

*Постепенная реализация права на достаточное питание
и права на здоровье*

Тем не менее вклад права прав человека не ограничивается просто предоставлением нормативного разъяснения. Кроме этих минимальных обязательств, другие обязательства требуют постепенной реализации, когда речь идет о питании и здоровье. По этому вопросу экономические, социальные и культурные права дополняют право оккупации, которое составлено в общих формулировках в том, что касается определения долгосрочной нормативной основы. Этот вклад тем более полезен, когда ситуация во время оккупации имеет тенденцию к стабилизации и сама оккупация, видимо, будет продолжительной. Право на достаточное питание не просто минимальное обязательство вести борьбу с голодом. Как напоминает Комитет по социальным, экономическим и культурным правам, это право «не должно толковаться в узком или ограничительном смысле и сводиться к минимальному набору калорий, протеинов и других конкретных питательных веществ»⁵⁶. Предположив, что некоторые срочные меры приняты для реализации сути этого права, Комитет также призывает к подходу, предусматривающему постепенную полную его реализацию в более длительной перспективе⁵⁷. По завершении периода, требующего чрезвычайных действий, оккупант уже не может ограничиться распределением продовольствия среди гражданского населения. Система прав человека предусматривает, что гражданские лица должны иметь доступ к ресурсам и средствам, которые дадут им возможность обеспечить удовлетворение своих потребностей⁵⁸. Для этого оккупирующая держава должна принять «меры, касающиеся всех аспектов продовольственной системы питания, включая производство, обработку, распределение, сбыт и потребление безопасных продуктов питания, а также параллельные меры в области здраво-

55 Walter Kälin, *Human rights in Times of Occupation: The Case of Kuwait*, LBE, Berne, 1994, p. 28.

56 Замечание общего порядка № 12, примечание 14 выше, ч. 6.

57 Ibid., ч. 6 и 16.

58 Ibid., ч. 15.

охранения, образования, занятости и социального обеспечения»⁵⁹. В частности, это означает, что она обязана обеспечить управление природными ресурсами, используемыми для производства продуктов питания, с учетом будущих потребностей⁶⁰.

Равным образом и в отношении здоровья права человека требуют от властей думать о будущем, если оккупация продолжается в течение длительного времени. Например, эти власти должны принять и осуществить общенациональную государственную стратегию по охране здоровья и составить план действий⁶¹. Эти инструменты должны основываться на статистических данных, касающихся потребностей местного населения, и на периодической оценке и корректировке выполняемой работы. Мнение Комитета по социальным, экономическим и культурным правам заключается в том, что планирование политики в области здравоохранения является частью основных обязательств в рамках реализации права на здоровье⁶².

Реформы, цель которых заключается в обеспечении приемлемых условий жизни на оккупируемых территориях, не должны, однако, выходить за рамки, устанавливаемые правом оккупации. Принцип сохранения правовой системы налагает в этом отношении определенные ограничения, которые не применяются по отношению к мерам, принимаемым государством на собственной территории в мирное время. Например, в том, что касается питания, следует провести отдельное исследование различных обязательств, налагаемых на государства. Некоторые предписания Пакта приемлемы для права оккупации, в частности предписание «улучшить методы производства, хранения и распределения продуктов питания путем широкого использования технических и научных знаний, распространения знаний о принципах питания»⁶³. Их соблюдение не означает далеко идущие изменения правовой и институциональной структуры стра-

59 Ibid., ч. 25.

60 Ibid. По этому вопросу права человека пересекаются с правом оккупации. См.: Гагское положение 1907 г., статья 55. Это положение предусматривает, что оккупант может только управлять собственностью (включая природные ресурсы) и сельскохозяйственными угодьями, принадлежащими оккупируемому государству, «признавая за собой лишь права управления и пользования». Следовательно, он должен «сохранять основную ценность этих видов собственности».

61 Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Замечание общего порядка № 14, примечание 50 выше, ч. 43.

62 Ibid. Более подробный анализ обязательства соблюдать, защищать и реализовывать право на здоровье см.: Шарпан, примечание 50 выше, с. 205 и сл.

63 Пакт, статья 11 (2) (а).

ны. Другие же предписания, такие как предписание, предполагающее «усовершенствования или реформы аграрных систем»⁶⁴, могут, напротив, оказаться проблематичными в этом отношении. Что касается здоровья, обязательства, предусматриваемые в Пакте, кажется, не противоречат принципу сохранения правовой системы. Не проводя далеко идущих изменений в структурах общества, вполне возможно обеспечить принятие мер, необходимых для «предупреждения и лечения эпидемических, эндемических, профессиональных и иных болезней и борьбы с ними», или «создания условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни»⁶⁵.

На примерах питания и здоровья, таким образом, можно увидеть, что обязательства оккупирующей державы не ограничиваются минимумом, определенным в международном гуманитарном праве. Их следует рассматривать, принимая во внимание дополнительный вклад, который вносится правами человека.

Собственность

В том, что касается собственности, экономические, социальные и культурные права и право оккупации переплетаются иным образом. При многочисленных исключениях права человека недостаточно развиты в этой области, и вычленив из них нормативное содержание, которое могло бы быть как универсальным, так и точным, не представляется возможным. В отличие от того, что происходит в области питания и здоровья, право оккупации предоставляет здесь наиболее конкретные правила. Основная гарантия собственности совпадает с предписаниями гуманитарного права. Эти предписания должны выполняться немедленно. В этом случае нет возможности для постепенного выполнения обязательства оккупирующей стороны.

Права человека

Статья 17 (2) Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что «[н]икто не должен быть произвольно лишен своего имущества». Однако этот принцип не был подтвержден ни в одном из пак-

64 Ibid.

65 Пакт, статья 12 (2).

тов 1966 г., цель которых заключается в предоставлении договорной основы положениям Декларации. Подготовительная работа при составлении этих двух международных документов показывает, что участвовавшие в ней делегации не смогли прийти к соглашению относительно сферы действия этого принципа в статье 17 (2), а также относительно применимых к нему ограничений⁶⁶. Поэтому на универсальном уровне в договорном праве нет основания, допускающего рассмотрение различных уровней гарантии собственности с точки зрения прав человека⁶⁷. Однако, как мы увидим далее, некоторое развитие юриспруденции дает возможность частично исправить этот недостаток.

На региональном уровне каждая из европейской, американской и африканской систем защиты прав человека предлагает договорное положение, которое признает существование и определяет контуры права собственности. При определенных условиях эти нормы санкционируют ограничения на пользование правом собственности⁶⁸. Статья 1 Факультативного протокола № 1 к Европейской конвенции о правах человека предусматривает, например, что «[к]аждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности». В ней также сказано, что любые ограничения на эту норму приемлемы, только если это соответствует общественным интересам, национальному и международному праву и не нарушает принцип соразмерности⁶⁹. Однако государствам предоставляются довольно широкие дискреционные полномочия в том, что касается оценки этих условий. Статья 1 Факультативного протокола четко устанавливает, что гарантия собственности не умаляет «права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля над использованием собственности в соответствии с общими

66 Catarina Krause, 'The right to property', in A. Eide, C. Krause and A. Rosas (eds.), *Economic, Social and Cultural Rights, A Textbook*, 2nd edn, Nijhoff, Dordrecht (etc.), 2001, p. 194.

67 О правовом основании права собственности см. там же, с. 194 и сл.

68 Факультативный протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20 марта 1952 г. с поправками, внесенными Протоколом № 11 от 11 мая 1994 г., вступил в силу 1 ноября 1998 г., статья 1; Американская конвенция о правах человека вступила в силу 18 июля 1978 г., OAS Treaty Series No. 36, 1144, статья 21; Африканская хартия прав человека и народов вступила в силу 21 октября 1986 г., OAU Doc. CAB/LEG/67/3 rev. 5, статья 14.

69 Анализ этого положения см.: Luigi Condorelli, 'Premier Protocole additionnel, article 1', in L. E. Pettiti, E. Decaux and P. H. Imbert (eds.), *La Convention européenne des human rights, Commentaire article par article*, Economica, Paris, 1995, pp. 972–97.

интересами...» (курсив автора. — Ред.). Такой сильный акцент на свободу договаривающихся сторон поступать по своему усмотрению приводит к значительному ослаблению обязательной силы этого положения. Один автор даже назвал мягким характер статьи 1⁷⁰. Американский и африканский тексты не дают дальнейшего разъяснения этого вопроса, поэтому попытки понять, что же фактически означает право на собственность, целесообразно делать только при анализе каждого конкретного случая и в свете судебной практики тех органов, которые несут ответственность за применение региональных договоров. Однако в отношении конкретно защиты собственности во время оккупации международная практика весьма ограничена или даже просто не существует.

Таким образом, представляется, что права человека не очень помогают в этом вопросе⁷¹. Поэтому необходимо обратиться к международному гуманитарному праву. В этом случае последнее предлагает более детально разработанную нормативную систему, в том числе нормы обращения с государственной и частной собственностью. Данные нормы, с одной стороны, запрещают, при некоторых исключениях, уничтожение этой собственности и, с другой стороны, устанавливают ограничения на ее присвоение или реквизицию оккупирующими силами.

Уничтожение собственности в праве оккупации

Статья 53 Женевской конвенции IV запрещает уничтожение оккупирующей державой любого движимого или недвижимого имущества, являющегося собственностью частных лиц или государства, за исключением тех случаев, когда это является «абсолютно необходимым для военных операций»⁷². Поэтому военное преимущество, которое предполагается получить, необходимо сравнить с тем ущербом, который причиняется в каждом конкретном слу-

70 Ibid., p. 972.

71 Однако Генеральная Ассамблея ООН сослалась на Всеобщую декларацию прав человека, чтобы напомнить о праве палестинских беженцев потребовать возвращения товаров, изъятых у них во время израильской оккупации. См., в частности: *Palestinian Refugees' Properties and Their Revenues*, UN Doc. A/Res/61/115, 14 December 2006.

72 См. об этом, хотя и в менее четких формулировках: Гаагское положение 1907 г., статьи 46–56. О запрете на уничтожение см.: *Давид, Эрик. Принципы права вооруженных конфликтов*. М., МККК, 2011. Глава вторая, V. 6.

чае⁷³. Оккупирующая держава должна провести такой анализ с точки зрения абсолютной необходимости⁷⁴. С этой целью она должна принять во внимание и другие нормы международного гуманитарного права, касающиеся уважения определенных объектов собственности. Ни при каких обстоятельствах, например, она не должна разрушать культурные ценности или частную собственность в порядке репрессалий⁷⁵. Если сопротивление оккупации принимает форму настоящих военных действий, применяются нормы, касающиеся защиты гражданского имущества во время военных действий⁷⁶.

Более того, некоторые объекты собственности пользуются абсолютной защитой. Их нельзя уничтожить на основании исключений, приводимых в статье 53. Такое имущество включает, в частности, здания, имущество и склады постоянных медицинских учреждений вооруженных сил⁷⁷, военные и гражданские медицинские формирования⁷⁸, муниципальную собственность, имущество «учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных», а также «исторических памятников, произведений художественных и научных»⁷⁹. Культурные ценности также являются предметом усиленной защиты. Гагское положение 1907 г. запрещает их преднамеренный захват, разрушение или произвольное повреждение без каких-либо исключений и даже требует от государства преследовать в судебном порядке лиц, которые не выполняют это обязательство⁸⁰. Гагская конвенция 1954 г., которая относится конкретно к этой проблеме, добав-

73 См.: Pictet, примечание 5 выше, с. 302. См. также: Greenspan, примечание 26 выше, с. 278 и сл. Если разрушение «незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе», оно также составляет серьезное нарушение Женевской конвенции IV, статьи 146 и 147; см., в частности, в прецедентном праве МТБЮ: дело Налетилича, Судебное решение от 31 марта 2003 г., ч. 574 и сл.; дело Кордича, Судебное решение от 26 февраля 2001 г., ч. 341.

74 О понятии необходимости в статье 53 см.: von Glahn, примечание 26 выше, с. 224 и сл.

75 Женевская конвенция IV, статья 33 (3). С. Rousseau приводит как пример дело немецкого солдата, осужденного в 1949 г. Голландским специальным кассационным судом за поджог нескольких домов, принадлежащих гражданским лицам, в порядке репрессалии за акты саботажа, совершенные неизвестными лицами (judgement Wintgen, No. 178, 6 July 1949, in Charles Rousseau, *Le droit des conflits armés*, Pedone, Paris, 1983, p. 165).

76 Дополнительный протокол I от 1977 г., статьи 52 et seq.

77 Женевская конвенция I, статья 33 (2) и (3).

78 Дополнительный протокол I от 1977 г., статья 12 (1).

79 Гагское положение 1907 г., статья 56, см.: von Glahn, примечание 26 выше, с. 191.

80 Гагское положение, статья 56 (2).

ляет, что договаривающиеся стороны должны также вносить свой вклад в охрану и сохранение таких объектов на территории, находящейся под их властью в результате оккупации, в частности принимаемая контролирующая меры или перемещая объекты, находящиеся под угрозой⁸¹.

Запрет на уничтожение имущества на оккупированной территории сформулирован достаточно точно в международном гуманитарном праве, в то же время он не является абсолютно чуждым и для системы прав человека. Его исследовали в основном в связи с правом на жилище. В своих Заключительных замечаниях 2003 г., касающихся Израиля, Комитет по правам человека ООН осудил то, что, например, он считает «частично карательным характером уничтожения имущества и домов на оккупированных территориях»⁸². По мнению членов Комитета, подобная практика противоречит таким положениям Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., как право не подвергаться произвольным действиям в отношении своего дома, свобода выбирать место проживания, равенство всех лиц перед законом и равная защита закона, а также право не подвергаться пыткам или жестокому и бесчеловечному обращению⁸³. Требования международного гуманитарного права и прав человека совпадают по этому вопросу, хотя положения первого более полные и подробные, чем последнего.

- 81 См.: Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, статья 5, и Исполнительный регламент Конвенции, в частности статьи 2 (а) и 19. См. также: Протокол к Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954 г.), который запрещает вывоз культурных ценностей с оккупированной территории. Комиссия по рассмотрению жалоб Эритреи и Эфиопии, например, пришла к выводу, что стела из Матары (которой было приблизительно 2500 лет) была преднамеренно разрушена эфиопскими силами в нарушение обычного права (поскольку оба государства не являлись участниками Конвенции 1954 г.), в частности права, которое нашло отражение в статье 56 Гаагского положения 1907 г., статье 53 Женевской конвенции IV и статье 52 Дополнительного протокола I. Однако по мнению Комиссии не было ясно, применима ли статья 53 Дополнительного протокола I, учитывая тип исторических памятников, о которых говорится в этом положении. См.: *Central Front, Eritrea's Claims 2*, 4, 6, 7, 8, 22 (2004), paras. 107 ff. См. также: *ibid.*, paras. 58 ff and 85 ff. *Central Front, Ethiopia's Claims 2* (2004), paras. 43 and 75; *Civilian Claims, Ethiopia's Claims 5* (2004), paras. 133 and 135.
- 82 Комитет по правам человека, Concluding Observations, Israel, UN Doc. CCPR/CO/78/ISR, 21 August 2003, ч. 16.
- 83 МППП, статьи 17, 12, 26 и 7 соответственно. Аналогичным образом Комитет ООН против пыток считает, что «в некоторых случаях применяемые Израилем меры по сносу домов могут быть равносильны жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию»; Рекомендации: Израиль, UN Doc. A/57/44 (SUPP), 25 September 2002, ч. 6 (j). Другие примеры см.: Давид, примечание 72 выше, там же; Krause, примечание 66 выше, с. 207–8.

Присвоение собственности в праве оккупации

Право оккупации устанавливает также четкие правила в отношении присвоения собственности. Хотя оно запрещает без какого-либо исключения все формы грабежа, допускается реквизиция некоторых видов имущества оккупационными силами. Различие следует проводить между государственной собственностью и частной.

Грабеж, то есть неоправданное, насильственное присвоение ценного имущества противника⁸⁴, запрещен как Гаагским положением 1907 г. (статья 47), так и Женевской конвенцией IV (статья 33)⁸⁵. Эта норма по своему характеру является обычной⁸⁶. Сфера действия такой защиты достаточно широка. Она включает «как широкомасштабные и систематические акты лишения права собственности и завладения собственностью в нарушение прав владельцев, так и изолированные акты грабежа или разграбления, совершаемые отдельными лицами для своей личной выгоды»⁸⁷. Она распространяется также на все категории общественной и частной собственности. Достаточно, чтобы действия совершались против собственности, имеющей «достаточную ценность в денежном выражении... чтобы это могло представлять серьезные последствия для жертв»⁸⁸.

В деле о вооруженной деятельности на территории Конго (2005), Международный суд установил, например, что Уганда не приняла необходимых мер для предотвращения разработки некоторых природных ресурсов, в частности добычи золота и алмазов в Демократической Республике Конго. В качестве оккупирующей державы Уганда долж-

84 Анализ понятия «грабеж» и его последствий в международном гуманитарном праве см.: ICTY, Trial Chamber, *Prosecutor v. Zejnir Delalic et al.*, IT-96-21-T, paras. 584–92 (МТБЮ, Судебная камера, Обвинитель против Зейнира Делалича и др.). Камера также напоминает, что в соответствии с текстами документов то же самое поведение обозначалось терминами «грабеж», «ограбление» и «мародерство», ч. 591. См. также: von Glahn, примечание 26 выше, с. 228 и сл.; Alwyn V. Freeman, 'Responsibility of States for Unlawful Acts of their Armed Forces', *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, (2) (1955), pp. 325–43. Примеров очень много. См., среди прочего: Комиссия по правам человека, Доклад о положении в области прав человека в Кувейте в период иракской оккупации, примечание 2 выше, ч. 224 и сл.; Eritrea–Ethiopia Claims Commission, *Partial Award, Central Front, Ethiopia's Claim 2*, April 28, 2004, paras. 71 ff.

85 Гаагское положение 1907 г., статья 47; Женевская конвенция IV, статья 33 (2). См.: Pictet, примечание 5 выше, с. 226.

86 Хенкертс, Жан-Мари и Досвальд-Бек, Луиза. Обычное международное гуманитарное право. Москва, МККК, 2006. Норма 52. См., в частности: Kordić Case, примечание 73 выше, ч. 351.

87 *Kordić Case*, примечание 73 выше, ч. 352.

88 Ibid.

на была пресечь незаконную торговлю, осуществляемую в регионе не только лицами из состава вооруженных сил, но и частными лицами⁸⁹. Суд пришел к выводу, что такое поведение составляет нарушение статьи 47 Гаагского положения 1907 г. и статьи 33 Женевской конвенции IV 1949 г.⁹⁰ Кроме того, Суд указал в том же самом решении, что международное право и право прав человека частично совпадают в том, что касается вопроса о грабеже. Африканская хартия прав человека и народов, которая применима в данном случае, запрещает «мародерство» и предусматривает, что люди, которые были лишены какого-то имущества, должны иметь право на адекватную компенсацию⁹¹. Однако защита, предоставляемая Африканской хартией, менее широка, чем защита, предусматриваемая гуманитарным правом. Этот инструмент рассматривает запрет на мародерство в качестве коллективного права, принадлежащего «народу», а не в качестве права отдельного лица⁹².

Абсолютно запрещая грабеж, право оккупации санкционирует конфискацию или использование собственности на оккупированной территории в ограниченном числе случаев⁹³. Оккупанту прежде всего дается право конфисковывать государственное движимое имущество, которое «может служить для военных целей»⁹⁴. Оно может быть изъ-

89 МС, Вооруженная деятельность, примечание 3 выше, ч. 248. В своем Комментарии к Женевской конвенции IV МККК уже признавал эту двойственность в 1958 г. Что касается статьи 33, он считает, что «Высокие Договаривающиеся Стороны запрещают отдавать приказ о разграблении или разрешать его» и что они, «более того, обязуются предотвращать или, если такие действия уже начались, пресекать случаи разграбления» (Pictet, примечание 5 выше, с. 226).

90 МС, Вооруженная деятельность, примечание 3 выше, ч. 327 и.

91 Африканская хартия прав человека и народов, примечание 68 выше, статья 21 (2); МС, Вооруженная деятельность, примечание 3 выше, ч. 245.

92 Комиссия по рассмотрению жалоб Эритреи и Эфиопии также привлекает внимание к многочисленным грабежам в представленном ей деле. Она подчеркивает тот факт, что оккупирующая держава несет ответственность за поддержание общественного порядка на оккупированной территории и что она обязана предотвращать ограбления (статьи 43, 46–47 Гаагского положения 1907 г.). В рассматриваемом деле Эфиопия несет ответственность за то, что допустила такое разграбление, не попытавшись положить ему конец, как этого требует право. Однако Комиссия также признает, что любое нарушение в этой области не могло быть практически предотвращено властями оккупирующих сил. Поэтому она решила, что Эфиопия несет ответственность за 75 % грабежа в этом районе (*Central Front, Eritrea's Claims* 2, 4, 6, 7, 8, 22 (2004), paras. 67 ff).

93 По этому вопросу см.: von Glahn, примечание 26 выше, ч. 176 и сл.; Myres S. McDougal and Florentino P. Feliciano, *The International Law of War, Transnational Coercion and World Public Order*, Nijhoff, Dordrecht etc., 1994, pp. 809 ff.

94 Гаагское положение 1907 г., статья 53 (1). Об этом положении см.: von Glahn, примечание 26 выше, с. 180–81. О государственной собственности на оккупированной территории см.: Greenspan, примечание 26 выше, с. 287 и сл.; Rousseau, примечание 75 выше, с. 159 и сл.; David, примечание 72 выше, там же.

ято при трех условиях: (i) соответствующее имущество принадлежит государству; (ii) оно является движимым; (iii) оно может внести свой вклад в удовлетворение потребностей армии. В перечне, который не является исчерпывающим, Гагское положение разрешает оккупанту «завладеть только деньгами, фондами и долговыми требованиями, составляющими собственность государства, складами оружия, перевозочными средствами, магазинами и запасами провианта»⁹⁵. И напротив, эта категория не включает государственную собственность, которая используется только для гражданских целей, то есть собственность «учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных» и исторические памятники⁹⁶. И наконец, к муниципальной собственности следует относиться как к частной, и следовательно, ее не касается право на конфискацию или захват⁹⁷.

Что же касается государственной недвижимой собственности, то здесь действует система узурфрукта⁹⁸. Оккупант может пользоваться тем, что посредством этой собственности производится, но должен сохранять ее капитал. Он может, например, потреблять или продавать продукцию земли, принадлежащей государству, или конфисковать дорожную и речную пошлины. И, напротив, у него нет права каким-либо образом распоряжаться этой собственностью. Кроме того, он может только «обычным образом» использовать эту собственность, то есть в соответствии со способами ее использования до оккупации⁹⁹. Чрезмерная эксплуатация государственного недвижимого имущества противоречит праву оккупации. Норма узурфрукта применяется, например, ко всем зданиям, лесам и сельскохозяйственным угодьям, принадлежащим оккупированному государству¹⁰⁰. Как напомнил Международный суд в своем решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго» (2005), любой вид конфискации при-

95 Гагское положение 1907 г., статья 53 (1). Г. фон Глан считает, что число предметов, которые могут быть включены в эту категорию, является крайне большим, он утверждает, что «ввиду все более технологичного характера современной войны... лишь очень небольшое число предметов и товаров, которым владеет государство противника, не попадает в перечень тех, которые могут быть захвачены оккупантом по причине их неспособности быть использованными для военных», von Glahn, примечание 26 выше, с. 181.

96 Гагское положение 1907 г., статья 56.

97 Ibid.

98 Ibid., статья 55. По этому вопросу см., в частности: Julius Stone, *Legal Controls of International Conflicts*, 2nd edn, Rinehart, New York, 1959, pp. 714–15.

99 Von Glahn, примечание 26 выше, с. 177.

100 Гагское положение 1907 г., статья 55.

родных ресурсов оккупирующей державой должен приравниваться к грабежу¹⁰¹.

Во время оккупации Восточного Тимора Индонезией было очевидно, что леса в этой стране эксплуатировались сверх пределов, установленных нормой узурфрукта. В 1999 г., то есть в конце этой оккупации, состояние большинства этих лесов было таково, что они не могли более служить для удовлетворения основных потребностей местного населения. Таким образом, люди оказались лишены среды, которая была крайне необходима для пропитания, сбора лечебных трав, дров и кормов для скота. Аналогичным образом эрозия почвы угрожала серьезными отрицательными последствиями для сельскохозяйственного производства и водных ресурсов¹⁰². Несоблюдение статьи 55 Гаагского положения 1907 г. приводит, таким образом, в крайних случаях к одновременным нарушениям некоторых экономических, социальных и культурных прав, в частности права на достаточное питание и права на здоровье.

И наконец, даже если договорное право не устанавливает это четким образом, практика показывает, что приобретенные таким образом доходы должны использоваться только для покрытия расходов, связанных с оккупацией. Действительно, было бы парадоксально не налагать ограничений на использование доходов от недвижимого имущества, если можно изымать деньги и реквизировать собственность только для некоторых конкретных целей, то есть для нужд оккупационной армии или территориальной администрации¹⁰³. Нюрнбергский международный военный трибунал определил, что нормы Гаагского положения, касающиеся государственной собственности, «четким образом устанавливают, что, в соответствии с этими нормами права

101 МС, Вооруженная деятельность, примечание 3 выше, ч. 245.

102 Commission for Reception, Truth and Reconciliation in East-Timor, Final Report, January 2006, paras. 48–49. Более того, во время оккупации была практически уничтожена возможность добывать древесину сандалового дерева из-за варварского ее использования; *ibid.*, ч. 46–47.

103 Гаагское положение 1907 г., статьи 48, 49, 52. См.: Antonio Cassese, 'Powers and duties of an occupant in relation to land and natural resources', in E. Playfair (ed.), *International Law and the Administration of Occupied Territories, Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and the Gaza Strip*, Clarendon Press, Oxford, 1992, pp. 428–9. Вопрос этот, конечно, пока обсуждается в доктрине. Некоторые авторы считают, что, поскольку статья 55 не говорит об этом, оккупант имеет право на использование недвижимого имущества, принадлежащего оккупированному государству, для того чтобы выполнить задачи, которые он себе поставил, в том числе развитие собственной национальной экономики (см., в частности: von Glahn, примечание 26 выше, с. 177; McDougal and Feliciano, примечание 93 выше, с. 812–13). Однако эта позиция не соответствует духу права оккупации, цель которого заключается в том, напомним, чтобы организовать временное управление территорией до того, как будет найдено всеобъемлющее постоянное решение.

войны, экономика оккупированной страны может покрывать только расходы, связанные с оккупацией»¹⁰⁴.

На практике применение нормы узурфрукта по отношению к государственной собственности все-таки ставит целый ряд вопросов. Как же быть с такой собственностью, как нефть и газ, которые, строго говоря, не просто приносят доход, но являются невозобновляемыми ресурсами? Может ли норма узурфрукта применяться в этом случае, учитывая, что любая форма эксплуатации автоматически воздействует на основу производства и угрожает в долгосрочной перспективе самой возможности получать от нее доход? Если может, то где проходит граница использования «обычным образом», за пределами которой эксплуатация должна считаться чрезмерной и, следовательно, противоречащей статье 55 Гаагского положения? Есть ли у оккупанта право усовершенствовать средства и технику производства с тем, чтобы повысить качество и (или) объемы получаемых ресурсов? Может ли он создавать новые установки для добычи полезных ископаемых на месторождениях, которые считаются недостаточно производительными¹⁰⁵?

И, наконец, имущество, принадлежащее частным лицам, находится под относительно строгой защитой¹⁰⁶. Гаагское положение 1907 г. предусматривает, что «частная собственность... должн[а] быть уважаем[а]» и что она «не подлежит конфискации»¹⁰⁷. Этот принцип — который государства не включили в универсальную систему, предназначенную для защиты прав человека, — является неотъемлемой частью права оккупации. Он, тем не менее, подлежит ограничениям.

Некоторые категории собственности, связанные со средствами коммуникации, транспортом и ведением военных действий, особенно

104 *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, I*, Nuremberg, International Military Tribunal, 1947, p. 239. См. также: *Flick and others*, US Military Tribunal at Nuremberg, Law Reports of Trials of War Criminals, IX, 1949, pp. 21–4; *The Law of Land Warfare — Field Manual*, Department of the Army, FM 27–10, 1956, para. 363. См. также: Stone, примечание 98 выше, с. 697. Другие примеры см.: R. Dobie Langenkamp and Rex J. Zedalis, 'What happens to the Iraqi oil? Thoughts on some significant unexamined international legal questions regarding occupation of oil fields', *European Journal of International Law*, 14 (3) (2003), pp. 430 ff.

105 Анализ этих вопросов не входит в задачу настоящей статьи. Дополнительную информацию можно найти частично в работе Кассезе, примечание 103, выше, с. 419–42; Iain Scobbie, 'Natural resources and belligerent occupation: mutation through permanent sovereignty', in S. Bowen (ed.), *Human Rights, Self-Determination and Political Change in the Occupied Palestinian Territories*, Nijhoff, The Hague etc., 1997, pp. 221–90; Kolb and Vité, примечание 2 выше.

106 Гаагское положение 1907 г., статья 46. О частной собственности на оккупированных территориях см.: von Glahn, примечание 26 выше, с. 185 и сл.; Greenspan, примечание 26 выше, с. 293 и далее; Stone, примечание 98 выше, с. 708 и далее; Rousseau, примечание 75 выше, с. 162; Давид, примечание 72 выше, там же.

107 Гаагское положение 1907 г., статья 46.

любые виды боевой техники, могут быть «захвачены» временно, даже если они принадлежат частным лицам, а не государству. После заключения мира они должны быть возвращены, и компенсация выплачена¹⁰⁸. За исключением собственности, которая используется в военных целях, частная собственность должна уважаться независимо от того, является ли она недвижимой. Оккупирующей державе запрещается конфисковывать запасы продовольствия, ценные бумаги и продавать здания, принадлежащие отдельным лицам. Это применимо, даже если соответствующее имущество управляется в порядке концессии, предоставленной оккупированным государством частному лицу или коммерческой компании. В деле «Lighthouses» («О маяках») (1956) для вынесения судебного решения о захвате доходов французской компании маяков в Салониках греческими вооруженными силами в 1912 г. был создан третейский суд. Суд определил, что эти доходы должны считаться частной собственностью и в качестве таковой не подлежат захвату оккупирующей державой. Дело обстояло бы иначе, если бы эта услуга предоставлялась непосредственно оккупированной державой¹⁰⁹.

Более того, оккупант имеет право собирать налоги, пошлины и сборы, налагаемые в пользу государства. В этом случае он должен соблюдать действующие нормы. Если необходимо, он может взимать другие денежные сборы, но только в той степени, в которой это оправдано потребностями армии или территориальной администрации¹¹⁰.

Наконец в силу статьи 52 Гаагского положения 1907 г. при некоторых условиях разрешается реквизиция натурой и принудительное предоставление услуг¹¹¹. Эта категория охватывает все «действия по принуждению, предпринятые в отношении гражданского населения оккупационными властями, для того чтобы удовлетворить потребности, возникающие в результате военных действий»¹¹². Такие действия должны быть направлены исключительно на удовлетворение потребностей оккупационной армии¹¹³.

108 Ibid., статья 53 (2).

109 Franco-Greek Arbitral Tribunal, *Lighthouses Case*, Sentence of 24 July 1956, *Reports of International Arbitral Awards*, XII, pp. 200 ff. По этому вопросу см.: Rousseau, примечание 75 выше, с. 160–161.

110 Гаагское положение 1907 г., статьи 48 и 49. См. также статью 51. Об этих сборах см.: Greenspan, примечание 26 выше, с. 227 и сл.; von Glahn, примечание 26 выше, с. 161 и сл.; Stone, примечание 98 выше, с. 712–13.

111 См.: Gerhard von Glahn, примечание 26 выше, с. 165 и сл.; Greenspan, примечание 26 выше, с. 300 и сл.; Rousseau, примечание 75 выше, с. 166.

112 Rousseau, примечание 75 выше, с. 166 (перевод МККК).

113 Гаагское положение 1907 г., статья 52 (1).

Их конечной целью не может быть оказание поддержки военных операций за пределами оккупированной территории или экономический рост оккупирующего государства¹¹⁴. Аналогичным образом не может подлежать реквизиции имущество, имеющее декоративную функцию¹¹⁵.

Реквизиции должны «соответствовать средствам страны»¹¹⁶. Таким образом, Гагское положение применяет принцип соразмерности к оккупированной территории. Общая реквизиция не должна быть чрезмерным бременем для ресурсов последней. Как указывается в Женевской конвенции IV, оккупирующая держава не должна, в частности, уничтожать возможности для удовлетворения основных потребностей гражданского населения. Полномочия, предоставляемые статьей 52, не освобождают ее от обязательства обеспечить снабжение гражданских лиц продуктами питания и лекарствами¹¹⁷. Аналогичным образом имущество и склады гражданских больниц не могут подлежать реквизиции, если они необходимы для нужд гражданского населения¹¹⁸. И наконец, соответствующим лицам должна быть выплачена компенсация¹¹⁹. Всякая реквизиция должна быть «справедливо возмещена»¹²⁰. Реквизиция натурой, в принципе, компенсируется в денежном выражении. Если этого не происходит, владелец изъятого имущества получает квитанцию, и ему будет выплачена компенсация, как только это станет возможно¹²¹.

114 О судебной практике в связи с приемлемостью целей реквизиции см.: McDougal and Feliciano, примечание 93 выше, с. 817 и далее; Rousseau, примечание 75 выше, с. 167.

115 Г. фон Глан составил довольно длинный перечень товаров, которые могут быть реквизированы. Он включает, в частности, животных, транспортные средства, дома, фабрики, станки и продукты питания. По мнению автора, даже предметы роскоши, такие как сигары и алкогольные напитки, могут быть реквизированы, «если они поставляются в достаточном количестве». Не попадают в этот перечень лишь деньги, поскольку их можно получить только посредством налогов, сборов и других видов налогообложения; von Glahn, примечание 26 выше, с. 167. См. также: Greenspan, примечание 26 выше, с. 305.

116 Гагское положение 1907 г., статья 52.

117 Женевская конвенция IV, статья 55 (2)

118 Ibid., статья 57.

119 Несколькими судебными решениями бывших оккупантов обязали выплатить компенсацию владельцам имущества, у которых оно было реквизировано. Обзор такого прецедентного права см., в частности: Rousseau, примечание 75 выше, с. 168.

120 Женевская конвенция IV, статья 55 (2).

121 Гагское положение 1907 г., статья 52 (3). См. также: Женевская конвенция IV, статья 55 (2); McDougal and Feliciano, примечание 93 выше, с. 821–2.

Заключение

Правовой режим оккупации претерпел серьезные изменения, после того как его основы были установлены договорами в 1907 и 1949 гг. Взаимодействие международного гуманитарного права и права прав человека привело к тому, что эта нормативная система была расширена и обогащена. Она была расширена, поскольку права человека иногда создают новые виды защиты по сравнению с теми, которые предусматриваются гуманитарным правом. Она углублена в тех случаях, когда содержание норм права прав человека достаточно подробно конкретизирует некоторые нормы Гаагского положения и Женевской конвенции IV.

Однако все это развивалось по-разному. И эти явления нужно проанализировать в каждом конкретном случае, то есть изучая каждую область, регулируемую данными отраслями права в период оккупации. Этот анализ, во-первых, подразумевает дифференцированный подход в зависимости от того, какие права рассматриваются: экономические, социальные и культурные или гражданские и политические. Каждая из этих двух областей имеет различные принципы имплементации¹²². Более того, даже если внимание сосредоточено исключительно на экономических, социальных и культурных правах, различия остаются.

Что же касается питания и здоровья, международное гуманитарное право и права человека в значительной степени совпадают, когда речь идет об удовлетворении насущных потребностей гражданского населения. И напротив, когда оккупация продолжается в течение длительного времени и ситуация стабилизируется, экономические, социальные и культурные права крайне важны, для того чтобы лучше понять сферу действия обязательств иностранной державы. Они придают конкретную форму общему обязательству обеспечить «общественную жизнь», как это сформулировано в статье 43 Гаагского положения 1907 г. Они дополняют право оккупации.

В том, что касается имущества, отношения между двумя правовыми режимами совершенно другие. Международное гуманитарное право оказывается более полным и подробно изложенным, чем право прав человека. Здесь уже нет взаимодополняемости, поскольку последнее заменяется первым в силу принципа *lex specialis*. Независимо от того, применяется ли он в течение короткого времени

122 Сравнительный анализ двух областей в период оккупации см.: Kolb and Vité, примечание 2 выше.

или долговременно, превалирующим правовым режимом является право оккупации.

Взаимодействие этих двух сводов правовых норм во время оккупации не может поэтому строиться путем использования только одного принципа, который мог бы применяться систематически. Это результат процесса адаптации, продиктованного различным правовым содержанием изучаемых норм. Две специфические категории были выбраны здесь, чтобы проиллюстрировать эти трудные поиски равновесия. Работа могла бы продолжиться в будущем с использованием анализа в других областях, таких как жилье, работа или образование¹²³.

123 См. Jonathan Thompson Horowitz, 'The right to education in occupied territories: making more room for human rights in occupation law', *Yearbook of International Humanitarian Law*, 7 (2004), pp. 233–77.